

Не злите добрую колдунью!

Марина Ефиминюк

Поймать
Бевиса Броза!

МОСКВА
2024

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Е91

Иллюстрация на обложке *middfox*

Ефиминюк, Марина Владимировна.

Е91 Поймать Бевиса Броза! / Марина Ефиминюк. —
Москва : Эксмо, 2024. — 256 с.

ISBN 978-5-04-203618-7

Имя автора пикантных романов Бевиса Броза гремит на все королевство! И узнай кто, что за этим псевдонимом скрывается выпускница института благородных девиц София Вермонт, — скандал неминуем! Вот почему она пойдет на все, чтобы избежать огласки. Особенно когда в поисках известного писателя в институте объявляется новый преподаватель.

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-203618-7

© Ефиминюк М.В., текст, 2024
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2024

Пролог

В просторном кабинете, где даже в жару обычно сохранялась приятная прохлада, сегодня сгустилась жутчайшая духота. Уилс ди Норберг, достопочтенный мэр Аскорда, обтер платком взмокшую лысину. Вороватый взгляд мазнул по срамной картинке в книге, и шелковый галстук начал не просто давить, а натуральным образом удушать. Мэр засунул палец за воротник и оттянул узел, но не помогло. Три глотка успокоительного настоя, ядрено пахнувшего валерьяной, растворились в подступившей к горлу желчи.

Норберг снова бросил быстрый взгляд на страницу. Несмотря на все ухищрения, обмануть собственное зрение не выходило. Гравюра по-прежнему казалась вопиюще непотребной! Что за напасть такая? Тут не травки стоило хлебать, а крепкий королевский виски! Желательно прямо из бутылки.

От злости он захлопнул книгу, и обложка захохотала ему в лицо беспутным именем Бевис Броз. Немедленно вспомнился вечер накануне, когда во время семейного ужина его старшая дочь Эвара, изящными движениями разрезая на кусочки мясо, как будто между делом объявила:

— Дорогие родители, я должна выйти замуж. Я, знаете ли, жду ребенка от господина Броза. Он известный писа-

тель, то есть отличная партия. Папочка, ты же сможешь выбить у короля какой-нибудь титул? Мне думается, что имя Бевис ди Броз на книжных обложках будет смотреться внушительнее. Только не меньше лорда, пожалуйста.

В трещащей голове барабанной дробью простучало слово «позор» и как гром прогрехотало «скандал». Было, правда, в довесок еще одно словцо, но в приличном обществе его не произносили, а прикрывали деликатным выражением «откровенный роман». Кошмар откровенный! Впору в гроб ложиться, руки на груди складывать и тихо умирать! За что на его седины... кхм... лысину такие испытания?

Писатель?! Да разве ж человек, не лишенный литературного вкуса, станет строчить подобную ересь? Перед глазами стояла срамная гравюра, где обнаженный атлет с кубиками в том месте, где у нормальных мужчин вырастал благородный живот, дерзко и решительно сжимал молочно-белые упругие бедра беспутной девицы. Про «молочно-белые» и «упругие» опозоренный отец, конечно, додумал сам. Не то чтобы он читал бульварную книжонку, но глазами по десятку страниц пробежался, а потом уперся в картинку, как в забор...

Мэр снова схватился за чашку с успокоительным отваром и сделал внушительный глоток. За тридцать лет он ни разу не видел дражайшую супругу, мать его пяти дочерей, полностью обнаженной. Даже щупать сухопарое тело госпожи ди Норберг дозволялось исключительно через ночную сорочку. Да какой там щупать! Осторожно притрагиваться, чтобы, случаем, не попать женской чести и не задеть достоинства.

Святые угодники! Как представилось, что этот паршивец Бевис Броз проделывал с Эварой непотребщину из этого, с позволения сказать, вольного сочинения на эротическую тему, так к горлу подкатывала горечь.

В дверь осторожно постучали, повернулась ручка. На пороге трясся секретарь.

— Где он?! — прогрохотал мэр.— Привели?!

— Господин мэр... Стражи передали, что это... господин Броз... вчера ночью покинул столицу. Никто не знает, в какую сторону он подался.

— Как покинул? — Опершись о крышку стола, Норберг медленно поднялся. От его мощной фигуры волнами исходил гнев. Лицо и шея покрылись красными пятнами.

— Как-то... — промямлил служащий, становясь блее савана.

— И никто подлеца не видел?

— Уехал под покровом ночи. Даже записочки не оставил. А еще квартирной хозяйке не заплатил...

Сердце у градоначальника вдруг нехорошо екнуло и принялось ныть. Как же так вышло, что у него, мэра столицы, особы, приближенной к королю, дочь понесла, как охочая драконица от безродного попугая?

И тот посмел улететь?!

— Поймать и доставить ко мне. Хоть связанным, хоть переломанным,— тихо произнес Норберг, а потом заорал как бешеный: — Поймать Бевиса Броза!

↑ Неблагородные увлечения благородных девиц

- Кому принадлежит сия мерзостная штука?! — Декан законоведческого отделения Ру Итар потрясла над головой рукописной копией эротического романа Бевиса Броза «Белоснежка и семь рыцарей».

Самодельную книжку, по иронии, наставница обнаружила в классе этикета и хороших манер, ужаснулась поприанию канона «О занятиях и поведении благородных девиц» и устроила скандал. Судя по тому, как она взбеленилась, содержание книги ей было знакомо. Вот уж от кого я никак не ожидала! Вещь ведь эпичная: одна блондинка на семь влюбленных самцов, такая «мужико-неделька».

Ни одна из благородных девиц в ясном рассудке и трезвой памяти не торопилась признаваться в пагубном пристрастии к «клубничке». В каноне студенткам института благородных девиц разрешалось вышивать, музицировать и рисовать акварелью, но никак не читать эротические романы. Хуже было только их переписывать и давать читать копии по десять монет за штуку.

Судя по испуганному лицу Риты Пиботи, придумавшей нехитрый способ заработать, она понимала, что влипла по самые уши. Только настоящей фее могла прийти в голову

гениальная идея устроить в институте подпольную библиотеку с запрещенной литературой. Лесной народ вообще отличался хитростью и смекалкой.

В сущности, схема была проста. В книжной лавке покупался любовный роман и делился между участницами литературного клуба. С неделю, как трудолюбивые каллиграфы, они переписывали книгу, а потом собирали в монструозную рукопись с ошибками, нечитабельными кусками и перепутанными страницами. Но даже некачественные копии разлетались как горячие пирожки. Студентки записывались в очередь, чтобы почитать Бевиса Броза или братьев Гриммалди, а на новую «Золушку» Шарли Пьетро, если верить подруге, вообще список ожидания растянулся до конца учебного семестра.

— Святые угодники, как чихнуть-то хочется! — Рита шмыгнула носом.

Чихать подружке точно не следовало. Ведьма Ру как раз заканчивала перечислять причины, почему после окончания института мы устроимся на хорошую службу только через постель (на слове «постель» некоторые благородные девицы мечтательно вздохнули), и была готова переключиться на всякую жертву, неосмотрительно подавшую голос.

Хотя как не заметить единственную на курсе фею? Ри всегда выделялась из толпы разноцветными волосами и ярко-фиолетовыми глазами с неподвижным, точно у куклы, зрачком. Настоящая удача, что лесные боги так дико хохотали, когда подбирали палитру для шевелюры, что забыли привесить на спину Риты крылья, как у бабочки или стрекозы.

Впрочем, не наследнице обнищавшего магического рода издеваться над чужой внешностью. Мне и сестре повезло выглядеть обычными людьми, но никто не поручится, что наши внуки не начнут страшить народ вертикальными

зрачками. С наследственностью не поспоришь. Иветте и так достались разноцветные глаза. Один зеленый, как у мамы, другой синий, как у папы. Никого не обидела.

Ри все-таки чихнула. Звонкий чих, словно взрыв хлопушки, перебил наставницу.

— Госпожа Пиботи, вам есть что сказать? — немедленно выстрелила она пронзительным взглядом.

— Извините. — Фея вжала голову в плечи.

— А вам, госпожа Вермонт? — попала я под раздачу, потому что стояла рядом.

Не успела я поклясться, что не прикладывала даже мизинца к копированию любовного романа, как в бальный зал, где нас чихвостили, заглянула секретарша ректора Милдрет. В тишине простучали каблучки, и она что-то зашептала на ухо наставнице.

— Уже? — недовольно изогнула та брови. — Говорили, что не раньше следующей недели!

Милдрет развела руками. Мол, ничего не знаю, матушка, не срывайте гнев на гонце с дурными вестями.

— Вечно все не как у людей... — Ру пришла в еще большее раздражение и повернулась к нам: — Дамы, раз вы забыли, как должны себя вести благородные девицы в стенах приличного учебного заведения, но очень любите тратить чернила на всякую гадость, то завтра каждая сласт по копии переписанного канона!

Девушки застонали, а мне захотелось завывать на люстру. Что ж так не вовремя-то?

— Я слышу недовольство? — сверкнула гневным взглядом деканша.

— Нет, наставница Ру, — нестройным хором отозвались мы.

— София, завтра до трех все копии должны лежать у меня на столе. Ясно?

— Хорошо, — присела я в книксене.

Она вечно держала меня вместо девочки на побегушках. Приходилось подчиняться, ведь безотказные, чутьчку не-ловкие простушки никогда не носили за пазухой страшных секретов, способных покрыть позором древний магический род. Хотелось бы сказать «чтоб ему пусто стало», но Вермонты давно разорились. Ни магии, ни счетов в монетных дворах. После смерти родителей поместье ушло с молотка, наследство отписали за долги. Я училась на стипендию от мецената, хозяина мануфактур «Драконы Элроя», а пансион сестры оплачивала лично заработанными деньгами.

— Дерзайте, дамы! — чопорно кивнула Ру и поспешно покинула зал. Рядышком перебирала каблучками Милдрет.

Едва дверь в бальный зал закрылась, напряженная тишина взорвалась воплями. Благородные девицы голосили, как рыночные торговки. Особенно громко возмущалась Рита, желавшая узнать, кто подвел выпускной курс изящной словесности под переписывание канона. Послушать фею, так она лично планировала страдать над заданием ведьмы Ру, а не перепоручить важную миссию боевым подругам из литературного клуба.

Пока однокурницы собачились, я незаметно сбежала в библиотеку, где царили тишина и спокойствие. Воздух пах книжной пылью, а не звенел от криков. Смотритель тихо посапывал в каморке, делая вид, будто разбирает собрания сочинений древних философов. Ученицы младших курсов корпели над домашней работой.

Едва я разложила письменный набор и принялась выводить строчки из треклятого канона, как в библиотеку ворвалась взбешенная Рита. Она плюхнулась за стол рядом со мной.

— Черный список пополнен! — рыкнула подруга. — Надо же было забыть на подоконнике именно «Бело-

снежку!» Осталась всего одна копия, а очередь на пять человек. Ой, ты уже канон пишешь?

— Угу,— отозвалась я, опуская в чернила учебное перо.— Раньше сядешь, раньше встанешь.

— Ладно, а меня ждет Шарли Пьетро...

На некоторое время Рита исчезла за книжными стеллажами там, где на тайной полке за Священным Писанием литературный клуб прятал любовные романы. Подруга вернулась с томиком, для конспирации завернутым в газетный лист, и принялась за работу. Видимо, канон все-таки поручила кому-то из участниц литературного клуба. Еще бы! Кто откажет предводительнице?

Подружка писала как курица лапой. Перепачканный чернилами палец ерзал по странице книги, беззвучно шевелились губы. Изредка она принималась костерить пятикурсницу, отдавшую «почти нечитанную» рукопись в лапы идейного врага эротических романов. От скучного канона и ворчания феи мне хотелось выть на трещины в потолке, но тут в библиотеке появилась Диара Арно. Наша третья соседка по каморке в общежитии и дочь владельца мануфактур из соседнего с институтом городка. Теперь возникло желание кусаться.

Большую часть времени Ди жила дома, но раз в неделю после очередного тайного от родителей свидания ночевала в пансионе. Видимо, сегодня как раз случилась «черная» ночь.

— Привет, канцелярские мышки,— поздоровалась Диара и присела на краешек стула.— У меня такая новость!

— Ты решила переехать в другую комнату? — хмуро уточнила Рита.

— Нет.— Она улыбнулась и похлопала длинными подкрашенными ресничками.— Я привезла от папочки трюмо. Оно антикварное, так что не трогайте руками.

Не представляю, куда она втиснула трюмо. Разве что вместо своей кровати... или Ритиной... или моей?!

— Мне пришлось загородить окно. — Видимо, она прочитала в моем лице желание рявкнуть. — Все равно через три месяца вы съедете.

— Как мило, — сухо прокомментировала я.

Наша комната была похожа на склад ненужной в особняке Арно мебели. Большой комод, двустворчатый шифоньер, на полу — толстый палас. На стене висела картина с летающими над ромашковым полем драконами, нарисованная самой госпожой Арно. В разнообразие обстановки с трудом вписались три кровати и ни одного стола. Уроки приходилось делать в библиотеке.

Прожив год в тесноте, мы с Ритой заикнулись, что хотели бы отселить лишнюю мебель в чулан, и комендант предложила нам самим переехать в этот самый чулан, а дорогую обстановку оставить в покое. Вроде как у двух благородных магических дев, в отличие от шкафа, ножки точно не отвалятся и дверцы скрипеть не начнут.

— Что вы привязались к трюмо, когда тут такая новость? — всплеснула она руками. — В замок приехал новый преподаватель по семейному праву! Представляете? Я возвращалась от папочки, а он как раз заходил через парадные двери!

— Неужто всамделишный мужчина? У нас? — с ярко выраженным южным акцентом выдохнула за соседним столом «законница».

— Точно сорока лет нет.

Мы с Ритой переглянулись. Теперь ясно, почему ведьма Ру так всполошилась. В институте благородных девиц появился учитель, не достигший гробового возраста! Безусловно, у нас преподавали мужчины, целых три штуки. Из философа сыпался песок, от профессора математики

за милю несло немывтым телом, а учитель черчения Эдон Рауф хоть был молод да не пахуч, не вышел ростом и плевался во время разговора. Другими словами, ни один их трех мужчин не воспринимался благородными девами как объект мечтаний и плотских желаний.

Заслышав новость о новом профессоре, к нашему столу подтянулись студентки. Оказавшись в центре внимания, Диара расцвела.

— Я подслушала разговор наставниц, — заговорщицким тоном объявила она. — Похоже, он приехал из самого Аскорда и будет жить на учительском этаже!

— Да ты что! В общежитии, а не в городе? — охнули слушательницы. — Он хорош собой?

— Я его только сзади видела, — призналась сплетница.

— И как узнала, что ему меньше сорока? — с иронией уточнила я.

— У него затылок молодого мужчины и спина вот такая! — Соседка нарисовала в воздухе кривоватый треугольник.

— С искривлением позвоночника? — уточнила я.

— Много ты понимаешь. — Ди зевнула. — Все, я спать, а то папочка меня возил в торговый дом, сильно умаялась.

Сплетницы разошлись по читальному залу, а Диара, покачивая бедрами, направилась к дверям.

— Знаем мы ее «папочку», — фыркнула Рита и вернулась к переписыванию любовного романа.

Через два часа я закончила с каноном, подруга сладко заснула, прижавшись щекой к исписанному наполовину листу, а библиотечный зал опустел. Смотритель потушил большие огни, горел только световой камень в настольной лампе. Когда сияние потускнело, щипцами я сняла нагар, и голыш вспыхнул с новой силой, распугав темноту за книжные шкафы.

Я потрепала по плечу сопящую Риту. Вздрогнув, та подняла голову и вытаращилась большими фиолетовыми глазами с застывшим расширенным зрачком.

— Уже утро?

— Нет, иди спать.

— Ты не закончила? — Она потянулась всем телом и широко зевнула, мелькнув клыками. На щеке темнела чернильная клякса.

— Почти, — соврала я.

— Ладно, не засиживайся до утра. — Подруга сложила письменный набор, собрала в специальную папку исписанные страницы. Тоненько звякнула крышка на чернильнице.

Когда я осталась одна, прислушалась к тишине. Никого. Институт заснул, а значит, пришло время для работы. Бесшумно, точно мышка, я прокралась в отдел магической литературы. Предмет в институте не преподавали, но фолианты были отданы Королевской Академией, и ректор постеснялся отослать ненужный подарок. Книги разместили в глубине библиотечного зала, куда лишний раз не заглядывал даже смотритель. Идеальное место для тайника.

Ради конспирации я не зажгла ни свечи, ни магический камень. Столько раз лазила на полки, что уже по памяти знала, какие тома вытаскивать. За пухлыми пыльными фолиантами была спрятана папка, завязанная на ленты. Хотелось бы мне наложить заклятие невидимости или охранный заговор, чтобы никто не подсмотрел внутрь, но силенок на сложное колдовство не хватало. Зато я вполне могла использовать артефакторное перо, менявшее почерк.

Я вытащила свое сокровище. Одна и та же папка, хранившую страшный секрет многих рукописей. Узнай кто, скандал сотряс бы каменные стены института и по инерции докатился бы до столичного пансиона, где училась младшая сестра Иветта. Скорее всего, даже предки Вермонт

